

IX. XX ГОДОВЩИНА ИЮНСКИХ ДНЕЙ

(Liberté. 1868. № 52)

Мы не намерены возбуждать ненависть; к чести человечества, ужасы июньских дней теперь кажутся невероятными даже буржуазии, которая их совершила; однако же, кто осмелится утверждать, что сцены такого рода не возобновятся под влиянием подобных же обстоятельств? Единственный способ избежать их повторения – это постараться извлечь из этих ужасных воспоминаний не мщение, а поучение.

Грустно сказать, но нужно признаться, что человечество, не смотря на опыт стольких веков, не выработало ещё рационального метода постепенного развития; оно до сих пор идёт путём революций, с неизбежным спутником их – реакцией.

Откуда происходит этот недостаток уверенности и твёрдого, постепенного стремления вперёд? Это происходит от нашего воспитания, чисто политического, неразрывно связанного с идеей правительства, воспитания, которое так же старо, как и начало самого общества. Подчинённые так долго провидению и произволу мы привыкли полагаться на них во всех наших нуждах и заботах.

Мы противопоставляем политическим реакциям – политические революции; религиозным предрассудкам – религиозные идеи в иной форме.

Когда же, наконец, научимся мы обращаться к принципам? Когда же восстанем мы против правительственного деспотизма во имя действительных законов общества, против религии во имя науки?

Революция 1848 года, не смотря на свои социалистические стремления, была в конце концов правительственной революцией, простой переменой династии; общественная власть была видоизменена в своей форме, но общественные отношения остались те же, что были и прежде.

«Отсталое и олигархическое правительство свергнуто героизмом парижан». Такова первая фраза первой прокламации временного правительства 24 февраля.

Разберите эту фразу, и вы найдёте в ней всю философию, всё значение второй французской республики. Каждое слово в ней – заблуждение; каждое заблуждение влечёт за собой бедствия, ошибки и преступления этой тяжёлой эпохи.

«Отсталое и олигархическое правительство свергнуто героизмом парижан». – Свергнуто правительство ... Какое же влияние имеет это на взаимные отношения граждан между собой, как производителей, как потребителей, как посредников обмена, как членов общества или скорее государства, так как правительство есть отрицание общества?

Какое влияние может иметь эта перемена правительства, т.е. власти на труд, на капитал, на обмен, на справедливость? Не вызываете ли вы реакцию, вы, новые правители, уже тем одним фактом, что вы намерены дать новое направление обществу, которое не хочет быть управляемым. Даже направление, которому вы следуете, – республиканское или социалистическое – не вызывает ли оно вместе с тем реакцию против социализма и республики?

Но, говорите вы в своё оправдание, мы свергли правительство отсталое. – Да разве сущность всякого правительства не есть отсталость? То, что вы приводите в своё оправдание, напротив, прямо разбивает вас.

Найдётся ли в истории хотя бы одно правительство, которое не было бы ретроградно? Все реформы, произведённые без помощи или с помощью правительств всегда были противны самим интересам этих правительств. Неужели февральское правительство возымело странную надежду быть хорошим правительством, т.е. правительством противоестественным? Уже теперь история произнесла свой обвинительный приговор над этим смешным притязанием, и демократия жестоко искупает свои заблуждения.

Вы свергли олигархическое правительство. Прекрасное дело! Но власть определяется существующими общественными отношениями, и это олигархическое правительство было верным выражением французского общества. Прежде, нежели производить революцию в правлении, надо было произвести её в обществе.

Кто знает, что произошло бы с властью, если бы общественные условия изменились? Может быть она бы совершенно исчезла.

Вы провозгласили всеобщую подачу голосов. Менее ли всеильна от этого церковь, банки и государство?

Перед судом разума переход от политеизма к монотеизму (от язычества к единобожию) есть только успех предрассудка; точно также провозглашение в иерархическом обществе всеобщей подачи голосов на место ограниченной должно быть рассматриваемо только как лицемерие, как усиление государственной тирании. В переходе деспотизма олигархического к деспотизму одной личности нужно видеть только последовательное развитие деспотизма. Вы удивляетесь героизму парижан, принуждающего Францию признать свою революцию! Так знайте же, что это есть преступление против революции и наказанием ему будет героизм национальной гвардии, производящей в Париже новую Варфоломеевскую ночь против социалистов и с одинаково неоспоримым правом, заставляющий всю Францию подчиниться реакции.

Заблуждение социализма 1848 года заключалось в том, что он вмешался в правительственную революцию, которая должна была остаться ему совершенно чуждой. 18

лет постоянной пропаганды сделали из социализма силу, которую нельзя уже пренебрегать. Политика его очевидно должна была быть следующая:

До 1848-го года в ожидании времени своего преобладающего влияния, он должен был с одной стороны пригвоздить Луи-Филиппа к его трону, а с другой немилосердно противодействовать тому формальному и буржуазному республиканизму, который своей шумной, мелочной и своекорыстной оппозицией совращал революцию с её истинного пути, увлекая её за собой в бесплодную политическую агитацию, в которой социализм мог только утратить истинный смысл своего призвания. Для тех, кто знает обширность и силу социалистической пропаганды до 1848, очевидно, что социализм был достаточно силён для той роли, которую указывали ему обстоятельства; силён на сколько может быть сильна самая чистая революционная теория. Он должен был оказывать давление на королевскую власть, не уничтожая её окончательно, и подавлять без милосердия все переходные ступени между ним и партией реакции, отнимая у последней таким образом поддержку тех честных умов, которые предпочитают риск революции беспощадным и грязным действиям реакции; и затем в благоприятную минуту, заменив предварительно экономические условия общества с помощью власти или вопреки ей, он должен был предоставить самим себе все политические, династические и правительственные формы, которые без посторонней помощи должны были неминуемо погибнуть в этом изменённом обществе, где существование их не имело более никакого смысла. Да, такова должна была быть роль социализма, но у него не хватило прозорливости, а может быть и должной решительности, чтобы достойно выполнить её.

Он не должен был падать духом, даже если бы достиг только того, что помешал бы формальному республиканизму разрушить монархию в пользу нескольких личностей более честолюбивых, нежели демократических. Он должен был упорно отказывать в своей помощи, не вступая в борьбу с установленной властью, а, напротив, становясь между ней и реакцией, и требуя только уничтожения тех легальных препятствий, которые мешают экономической и социальной реформе осуществиться по инициативе рабочих. Раз эта реформа осуществилась бы, он должен был бы предоставить буржуазно-республиканское правительство его собственным силам и неизбежной гибели.

Истинный путь, по которому нужно следовать, состоит в том, чтобы, добиваясь постепенных уступок, довести власть до нуля, с помощью её самой или вопреки ей. Захватив же власть, революция, напротив, остаётся контрреволюцией. Она тем самым совершает самоубийство.

Действительно, что осталось от первой французской революции, если исключить реформы, происшедшие по инициативе народа, записанные в тетрадях депутатов и по неволе уступленных королевской властью? С того момента, как революция заняла трон казнённого короля, началась реакция, не прекращавшаяся вплоть до 1815 года.

Следовательно, исходной точкой революции 1848 было заблуждение, за которым необходимо следовал целый ряд ошибок и несчастий, и среди них июньские дни были только одним из кровавых эпизодов.

И если в настоящее время, мы считаем ещё за честь называться социалистами, то причина этого лежит в беспощадной реакции, налагающей на нас обязанность не отречься от той партии, приемниками которой мы оказываемся по неволе.

В феврале 1848 и гораздо ещё раньше социализм стал на сторону республиканской и правительственной оппозиции; последовательный в своём заблуждении он стремился достигнуть власти и в благоприятную минуту в лице Луи Блана постарался съёжиться до невозможности, чтобы войти в состав временного правительства.

Он и действительно вошёл туда, но только ... на время.

Один тот факт, что социализм помог изменению правительства в государстве, был уже доказательством реакции; то, что он вошёл в состав государственного совета, было новым шагом по тому же пути. И с первых же дней партия прогресса, сливаясь с правительством, признала себя бессильной и побеждённой.

Последующие события будут только развитием этой правительственной реакции; с самого первого действия можно предвидеть развязку: образумившийся народ прибегает, но уже поздно, к силе, и реакция, уверенная в своём могуществе, вызывает восстание, чтобы подавить его, и подавляет действительно.

1848 год соединяет в себе все атрибуты плохой мелодрамы, которая была бы смешна, если бы не пролилась кровь. Проследим события день за днём.

24 февраля. Более или менее правильное провозглашение временного правительства, более или менее республиканского, куда успели проскользнуть два авторитарных социалиста, Альбер и Луи Блан. Их терпят, потому что на первых порах нужны поблажки.

25 февраля. Образование 54-го батальона подвижной гвардии, пользу которой уже достаточно предвидят республиканцы, поклонники сильного правительства. Социализм же видит в ней только эмблему насилия.

26 февраля. Отмена смертной казни за политические преступления. Мера, которой рукоплещут все партии; что совершенно понятно. Луи Блан проливает слёзы умиления. Он действительно счастливо отделается от опасности. Но в своей наивности он воображает, что эта мера принята в пользу роялистов. Он громко восхваляет милосердие социалистов и не видит, что это милосердие пригодится самим социалистам, которым в будущем будет уже грозить опасность.

Тот же день. Декрет о трёхцветном знамени. Лоскут ткани получает значение социального вопроса.

5 марта. Временное правительство, подозрительное относительно самого себя и находящееся под давлением реакции, созывает избирательные собрания; в то же время оно устанавливает общую подачу голосов.

Тот же день. Манифест Ламартина[35] к дипломатическим агентам за границей; республика отнимает у себя возможность исхода посредством войны; вопрос должен разрешиться внутри страны или решением социального вопроса, или избиением социалистов.

16 марта. Демонстрация национальной гвардии; её мнение в том, что вопрос должен разрешиться избиением социалистов.

17 марта. Демонстрация народа, противоположная предшествующей. Луи Блан, представитель социалистической идеи в правительстве, противодействует народу; овладев положением дел, он признаёт бессилие власти. Он не был последователен, но был искренен. С этой минуты уже Ледрю-Роллен[36] делается представителем крайней демократии.

16 апреля. Демонстрация более ста тысяч работников. Ледрю-Роллен, увлечённый неодолимой реакцией, противопоставляет народу национальную гвардию. Власть переходит к Собранию и к республиканизму завтрашнего дня, с оттенком Одилона Барро[37].

15 мая. Манифестация в пользу Польши[38]; в собрание врывается толпа народа. Ледрю-Роллен противодействует народу. Жюль Бастид[39] и Арман Марра[40] представителями республиканской идеи в правительстве. Какое падение! Но это ещё не конец.

Реакция сделалась всесильна; национальные мастерские закрыты и сто тысяч рабочих выгнано на мостовую с 30 франками вознаграждением.

Нужно положить этому конец! Таков крик всех республиканцев формалистов и большей части партии порядка.

Нужно положить конец! Гарнье-Пажес[41], неспособный первый произносить эти жестокие и полные угрозы слова.

Собрание желает восстания, оно его вызывает; нужно разрешить социальный вопрос истреблением социалистов. Нужно покончить!

Всё подготовлено. Войска и национальная гвардия Парижа и департаментов ждут только сигнала.

Борьба началась 23 июня. Борьба на смерть. Собрание объявляет своё заседание непрерывным; все предложения о соглашении с гневом [рабочих] отвергнуты.

Предложение Коссидьера[42] поговорить с народом принято взрывом негодования; его называют бунтовщиком. Нужно покончить! Нужно покончить! 24 июня Собрание, по предложению Паскаля Дюпра[43], объявляет в Париже осадное положение, распускает исполнительную комиссию и, опасаясь своей собственной слабости, передаёт исполнительную власть генералу Кавеньяку[44]. Гражданин Жюль Фавр[45], человек принципа, голосовал за это и многие другие вместе с ним. Хорошо бы не забывать об этом.

26 июня. Восстание подавлено.

